

"Кто ты?"

Гарри встретил указывающий малыш, как только он вошел в уютную кухню Поттеров, на следующее утро после допроса в кабинете Дамблдора.

Он неловко улыбнулся ребенку — миниатюрной версии самого себя: «Я Гарри, рад знакомству», — и пожал липкую руку, которой мальчик указывал на него. В руке он чувствовал себя хрупким; неужели он когда-то был таким крошечным?

Ребенок весело захихикал — его взрослое «я» определенно не помнил, чтобы он когда-либо был таким беззаботным, — и покачал головой: «Ну-у, мой Хови!»

«Правильно, — ответил подросток, — ты Гарри, но я тоже Гарри».

"Ну-у!" настаивал ребенок, так как он задавался вопросом, кто именно этот странный взрослый; он был немного похож на папу, но он определенно не был папой.

«Угу», возразил старший мальчик, «Однажды, когда ты вырастешь, ты будешь выглядеть почти так же, как я — надеюсь, за исключением нескольких шрамов», — он указал на потускневшую молнию на своем лбу. , глотая волну воспоминаний, вызванных действием — все то, что он вернулся, чтобы помешать этому Гарри пережить, «и, может быть, немного выше ...» Этот ребенок никогда не будет лишен питания, как он был раньше . голодали Дурсли.

"Ну-у!" — настаивал маленький Гарри, хотя все, что он понял из речи, это то, что незнакомец думал, что когда-нибудь, когда вырастет, он будет похож на него. Когда он был большим, он хотел быть таким же, как папа , а не каким-то незнакомцем.

Его коллега вздохнул — неужели он всегда был таким упрямым? Он все еще был таким упрямым? Пора менять тактику. «Хорошо, ты прав, я не Гарри, я чудовище Франкенштейна, пришедшее, чтобы украсть тебя...» — ответил он, добавив рычание в конце для верности.

Малыш покачал головой, смеясь: «Ну-у!» но — на случай, если незнакомец действительно собирается его увести, — он обыскал комнату в поисках мамочки. Он нашел ее стоящей возле двери в большую комнату, где они ели, когда пришли Бродяга, Лунатик и Червехвост. С ней была странная женщина, которую он встретил ранее, а мама опиралась на большой стул; ее глаза были мокрыми. Мама улыбнулась ему, и он почувствовал себя в безопасности. Она не позволила бы странному человеку забрать его.

Гарри проследил за взглядом ребенка, заметив Лили и Луну, наблюдающих за происходящим из дверного проема, ведущего в столовую. Он кивнул Луне и застенчиво улыбнулся своей матери, прежде чем снова обратить внимание на ребенка, прыгая вокруг стола и спрашивая: «Я Пасхальный кролик?»

Его более молодое «я» снова хихикнуло, но не согласилось: «Ну-у!» Пасхальный кролик был кроликом ! Мама тоже хихикала, но глаза ее были грустными.

У него не было времени задуматься, почему мамины глаза выглядели грустными, потому что теперь темноволосый незнакомец притворялся Дедом Морозом. Он энергично замотал головой: «Ну-у!» У Деда Мороза были белые волосы и белая борода.

"Я знаю!" — воскликнул старший мальчик. — Я должен быть... Гарри!

"Ага!" — воскликнул малыш, хлопая в ладоши. Незнакомец определенно не был монстром Франкенштейна, или Пасхальным Кроликом, или Дедом Морозом, может быть, его звали Гарри, но он все равно предпочел бы быть папой, когда вырастет.

— Так ты, наконец, признаешь это? — спросил старший волшебник, улыбаясь. Его сердце согрелось, когда он увидел счастливо хихикающего ребенка, особенно если учесть, что в исходной временной шкале он был бы в нескольких часах от того, чтобы остаться на крыльце дома Дурслей.

"Ага!" Малыш ухмыльнулся, все еще хлопая в ладоши.

Были еще аплодисменты, но на этот раз не от ребенка. Щеки Гарри покраснели, и он обернулся. Луна широко улыбалась и хлопала в ладоши, когда вошла в комнату, толкая перед собой обеденный стул. Лили стояла в дверях, все еще пристально глядя. Выражение ее лица было трудно разобрать, но Гарри показалось, что он смог различить пару слезинок, блестевших в уголках ее глаз, и изо всех сил старался не корчиться под ее пристальным взглядом.

Он был спасен от дальнейшего дискомфорта, когда Луна подошла и, наклонившись ближе, обратилась к себе младшему лицом к лицу, эффективно отвлекая внимание Лили от ее старшего сына. — Послушай, Гарри. Один из первых уроков, который тебе нужно усвоить в жизни, — никогда не спорить с самим собой. Ты всегда проигрываешь... И всегда выигрываешь.

Малышка задумчиво посмотрела на нее, пытаясь понять, что она сказала, прежде чем отвлечься и вместо этого потянуть за одну из сережек, которые она присвоила из Комнаты Спрятанных Вещей.

Неловкое молчание, которое последовало за ее речью, пока Луна пыталась вернуть себе ухо, а мать и сын смотрели друг на друга через всю комнату, длилось всего мгновение, прежде чем было прервано хихиканьем маленького Гарри. Лили полностью вошла в комнату, волоча за собой стул, который она принесла из столовой, и стук дерева по линолеуму был громким в относительной тишине кухни.

Когда она поставила стул рядом с Луной за столом, Гарри не мог отделаться от мысли, что тетя Петуния никогда бы не позволила ему тащить такой стул, опасаясь, что это повредит ее полы. С другой стороны, тетя Петуния никогда бы не принесла на кухню столовые стулья и не

позволила бы ему просто сидеть и смотреть, как она заканчивает готовить завтрак.

Он предложил помощь, но Лили отмахнулась от него, заявив, что помощь ей не нужна. Поэтому вместо этого он снова сел и погрузился в сцену, от домашней мебели до груды грязной посуды в раковине.

Через пару минут его мать выложила полную тарелку яиц и колбасы перед Луной, которая к тому времени успела вырваться из липкой хватки юного Гарри и занять свое место. «Ешьте, дети, на ваших костях ничего, кроме кожи», — сказала она, ставя перед Гарри вторую тарелку — в два раза больше первой — перед тем, как накормить себя и сестр на сиденье рядом со стульчиком для кормления. .

Гарри застенчиво улыбнулся материнскому наставлению: «Спасибо, мама». Удивительно, насколько по-другому я себя чувствовал, услышав ее слова, чем сотни раз, когда Молли Уизли произносила одно и то же. Он откусил кусочек — смакуя вкус домашнего завтрака после месяца кемпинга в Антарктиде — и спросил: «Где папа?»

— Спать, — ласково улыбнулась Лили, — твой отец мог бы спать весь день, если бы я ему позволила. Не то чтобы я ему позволила. Директор прислал Фоуксу сообщение: он ждет нас в час. Элис и Фрэнк — они с Невиллом всегда так хорошо ладили, пока мы не скрылись. Теперь, когда опасность миновала... — она замолчала, заметив, как оба путешественника во времени решительно качают головами. — Что случилось?

"Не хорошая идея!" — ответил Гарри, еще энергичнее качая головой.

Именно Луна объяснила: «Волдеморт может быть выведен из строя, но его Пожиратели Смерти — нет. И Фрэнк, и Алиса Лонгботтом были замучены до безумия Краучем-младшим и Лестрейнджами пятнадцатого ноября.

Лили побледнела и в шоке поднесла руку ко рту, позволив вилке со звоном упасть на пол. "О, Боже!"

«Конечно, учитывая изменения, которые мы внесли, просто придя сюда, они могут решить изменить свои планы... особенно если вы отправите туда Гарри», — продолжила Луна.

"Тогда чего мы ждем!?" Лили вскочила, опрокинув стул. Как они могли так спокойно сидеть и сообщать ей, что ее хороших друзей будут пытаться — может быть, пытаться в эту самую минуту — и ничего не делать? «Мы должны предупредить их!»

Луна успокаивающе положила руку ей на плечо. «Мы будем, но торопить события ничего не стоит», — она бросила укоризненный взгляд на Гарри, ссылаясь на его действия прошлой ночью. «Они вряд ли просто поверят нам на слово, и у нас действительно нет никакого способа узнать, какие незначительные вещи могли измениться благодаря нашему присутствию здесь...»

Гарри кивнул в знак согласия: «Невилл был хорошим другом, и его родители не заслужили того, что с ними случилось. Но все сложно; нам нужен хотя бы один из Лестрейнджей живым — и под нашей опекой — чтобы вернуть хоркруксы, которые они спрятали в своем хранилище Гринготтса...»

Тяжело дыша в попытке успокоить нервы, Лили перевела взгляд с Луны на Гарри, сверля взглядом. Ничего сложного в этом деле не было. — Значит, ты собираешься пожертвовать Элис и Фрэнком, чтобы добраться до одного из крестражей Сами-Знаете-Кого!? — пронзительно воскликнула она. Впервые с тех пор, как она встретила его прошлой ночью — с тех пор, как она поняла, что это был ее маленький мальчик, выросший — Лили почувствовала приступ стыда. Таким ли человеком вырастет ее сын?

Гарри энергично покачал головой, отрицая: «Нет! Нет! Я этого не говорил. Просто это потребует тщательного планирования — кое-что, в чем я не очень силен. к Лонгботтомам».

Гнев Лили несколько рассеялся. — Я буду удерживать тебя на этом, потому что, если что-то случится с моими друзьями из-за того, что ты решил использовать их в качестве пешек в своей игре против Сами-Знаете-Кого, я не уверен, что смогу вас простить — сынок, из будущего или нет», — предупредила она.

Гарри извивался под ее взглядом, ее обвинение пронеслось у него в голове. Он путешествовал во времени, чтобы не стать пешкой в войне против Волдеморта, чтобы его семья не стала жертвой ради общего дела... Делал ли он сейчас то же самое с семьей Невилла? Поменялись ролями? Превратить их в пешек и жертву вместо своей семьи?

Нет; он отказался быть этим человеком. Он посмотрел своей матери прямо в глаза и решительно ответил: «Я обещаю, мы спасем Лонгботтомов, даже если это означает отпустить Лестрейнджей на свободу». Его совесть никогда не позволяла ему жить с альтернативой.

Лили почувствовала прилив гордости. Она кивнула, последние остатки ее гнева улетучились, хотя ее руки не переставали трястись, когда она поправила стул и снова села. Положив их на стол, она сделала несколько успокаивающих вдохов.

Когда она в следующий раз заговорила, ее голос звучал задумчиво-грустно: «Когда ты успел так состариться, сынок?»

Их глаза встретились еще раз. "Мне восемнадцать лет, мам," ответил он, сбитый с толку резкой сменой темы; одну минуту она кричала на него, а теперь она спрашивала о его возрасте?

«Я знаю, и я скучала по твоему детству... Ты вырос в человека, которого я не знаю...» В ее глазах блеснули слезы. «Но я не это имела в виду, — продолжала она, — твои глаза; они так похожи на мои, и все же выглядят почти такими же старыми, как у Дамблдора». Она сделала паузу. «Таким старческим глазам не место на таком юном лице. Ты слишком молод, чтобы играть с человеческими жизнями...»

— Я... э... — Гарри запнулся на его ответе, не зная, что сказать, как объяснить. Она уже знала о пророчестве и обо всем, что с ним связано, так что она спрашивала не об этом. Он пытался заверить ее, что с ним все в порядке, что он на самом деле не беспокоится о своей судьбе в жизни, пока он может защищать людей, которых любит, и защищать ребенка, которым он когда-то был, от того, чтобы жить той же жизнью, что и у него... но слова не вышел бы.

Луна избавила его от необходимости разбираться в этом. — Таковы последствия войны, — перебила она. — Молодых мужчин и женщин убивают в самом расцвете сил, а те, кто остался, состарились не по годам.

Лили испуганно повернулась к ней. — Ты, конечно, прав. Просто так трудно собраться с мыслями... Прошлой ночью у меня родился один сын, один пятнадцатимесячный мальчик. Сейчас моему ребенку еще пятнадцать месяцев, но у меня есть другой. ребенок, нет, не ребенок, — ее голос надломился, — взрослый сын, почти такой же старый, как и я, восемнадцатилетний ветеран войны, повидавший больше света, чем я...

Луна ободряюще улыбнулась. — Не волнуйся, Лили, — она потрепала рыжего по плечу и, взглянув на Гарри, добавила, — нас это тоже сбивает с толку.

Гарри какое-то время беспокойно наблюдал за общением через стол, прежде чем принять решение. В его животе порхали бабочки, когда он преодолел разделяющее их расстояние и заключил Лили в объятия, объятия, о которых он мечтал столько, сколько себя помнил. Было неловко из-за того, что она сидела, но она не оттолкнула его, как он боялся. Вместо этого она привлекла его к себе на колени и изо всех сил обняла его в ответ. Поза не могла быть для нее очень удобной — он был на полголовы выше и как минимум на сто тяжелее, но она крепко держала его и отказывалась отпустить.

Она видела боль в его глазах, боль, от которой ее не было рядом, чтобы защитить его. Ее ребенка бросили в битву, в которой ему не было места, и заставили повзрослеть раньше времени. И все же, несмотря на все испытания, он вырос прекрасным молодым человеком. Она не могла наверстать все те годы, что ее не было рядом, но теперь она могла подарить ему это маленькое утешение, этот крошечный кусочек своего сердца.

Несмотря на нетрадиционную позу, Гарри растворился в объятиях. Он и раньше обнимался — миссис Уизли особенно нравилось регулярно заключать его в свои объятия, — но ничто по сравнению с этим, с чувством безусловной материнской любви и защиты, когда она заключала его в свои объятия и крепко держала. . Он не пытался высвободиться; он не хотел, чтобы она отпустила.

Лили вытерла слезы на глазах, когда они наконец разошлись. «В любом случае, — попыталась она сменить тему, — я рада видеть, что ты унаследовал мои глаза, а не проблемы со зрением твоего отца...»

«На самом деле я унаследовал и то, и другое, — объяснил Гарри, — но о зрении я позаботился еще до того, как уехал из дома, когда понял, что мои очки не переживут поездку».

"Ой?" — ответила Лили. — Но я думала, что волшебного средства от близорукости не существует?

— Никакого волшебного решения, нет, — согласился Гарри, — но за разумную цену магглы восстанавливают зрение людей с помощью высокотехнологичных лазеров с начала девяностых.

Лили рассмеялась: «Еще одна вещь, которую магглы придумали раньше волшебников... Значит, это работает?»

"Все идет нормально."

Лили озорно ухмыльнулась: «Может быть, через десять лет мы сможем убедить твоего отца сделать то же самое...»

"Почему так самодовольно?" — спросил Гарри.

Лили снова засмеялась: «Возможно, ваш отец не фанатик чистой крови, но он не очень высокого мнения о магглах и их технологиях... Моя сестра до сих пор отказывается разговаривать со мной после ссоры, которую он начал с ее мужем в об их свадьбе — о тренировках, обо всем. Конечно, до этого мы не очень хорошо ладили — с тех пор, как я поступил в Хогвартс, — но это, видимо, стало для нее последней каплей.

— Тогда, наверное, лучше подождать пятнадцать. предложил Гарри, улыбаясь. «Предыдущие операции были не такими успешными, как более поздние».

Она еще раз ухмыльнулась, когда встала: «Вы двое не могли бы присмотреть за ребенком минутку? Я пойду разбужу твоего папу».

Минуту спустя два путешественника во времени расхохотались, когда услышали восклицание Джеймса: «НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!» из хозяйской спальни...

<http://tl.rulate.ru/book/82909/2635755>